

Роль гегемонии в развитии капитализма и её кризис в XXI в.

Одним из проявлений современного глобального кризиса является культурно-идеологический кризис. В 2000-е гг. во всём мире произошли кардинальные идеологические перемены, ознаменовавшиеся сменой либерализма неоконсервативной идеологией. На формирование концептуального содержания и дискурса последней оказала теория столкновения цивилизаций профессора Гарвардского университета Сэмюэля Хантингтона. В соответствии с его теорией главной формой межцивилизационных отношений является непрекращающаяся вражда: «"Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того, кем мы являемся..." Прискорбную правдивость этих старых истин не может отрицать ни учёный, ни политик. Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль "линий разлома" между основными мировыми цивилизациями» [10, р. 20]. Подтверждение этих слов С. Хантингтона можно было наблюдать на протяжении 2000-х гг. Примером этого служат ограничение прав эмигрантов и ужесточение внешней политики в развитых странах Севера, рост религиозного фундаментализма и многочисленных межэтнических конфликтов в развивающихся странах Юга. Определённой вехой в современном идеологическом кризисе стали заявления Д. Кэмерона, Н. Саркози и А. Меркель об отказе от мультикультурной идеологии в Западной Европе, сделанные в 2010-2011 гг.

Основные вопросы, которые возникают в связи с современными культурно-идеологическими переменами, заключаются в том представляют ли эти перемены реальную угрозу для просвещенческих ценностей эпохи модерна – свободы и равенства? Означает ли рост неоконсерватизма окончание либеральной идеологии, которая обеспечивала легитимацию современной мировой системы на протяжении двухсот лет – с 90-х гг. XVIII в. по 90-е гг. XX в.? Или же социокультурная ситуация XXI в. является лишь временной реставрацией

неоконсерватизма, жёсткий курс которого позволит преодолеть современный глобальный кризис и создаст предпосылки для возврата к либеральным ценностям, подобно тому как это происходило в прошлом?

Ответы на эти вопросы даются в рамках концепции диалога цивилизаций, автором которой является бывший президент Ирана Мохаммад Хатами. Оппонируя С. Хантингтону, М. Хатами доказывает, что неотъемлемым качеством каждой цивилизации является диалогичность, т.е. взаимное проникновение одной цивилизации в другую прежде всего на уровне культуры [8]. М. Хатами, а также авторы многочисленных работ, развивающих тему межкультурного диалога, опираются в своих исследованиях на цивилизационный подход. Главным методологическим недостатком этого подхода является то, что в нём культурно-исторические типы рассматриваются отдельно от социально-экономических процессов, они понимаются как некий инвариант, не подверженный влиянию социальных изменений. «Отсюда возникает уверенность, будто существует некий “западный” и “русский человек” вообще, вне конкретного политического, социального и экономического контекста» – пишет известный представитель леворадикальной мысли Борис Кагарлицкий [7, с. 19].

В противоположность этому в теории мир-системного анализа утверждается, что современный культурно-идеологический кризис является частью общего кризиса капитализма. Культура понимается как существенная характеристика гегемонии – системы властвования, созданной капитализмом. Поэтому основным понятием, которое используется в мир-системном анализе для объяснения исторической динамики капиталистической культуры и её кризиса в XXI в. является понятие гегемонии. Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать данное понятие в работах представителей мир-системного подхода и на его основе показать фундаментальное отличие современного кризиса капиталистической культуры от всех предшествующих.

Для начала необходимо в целом рассмотреть категорию «гегемония», которая является одной из центральных в теории мир-системного анализа. Как известно, отец мир-системного анализа Иммануил Валлерстайн в своей

концепции капитализма опирается на идеи, которые были сформулированы выдающимся французским историком Фернаном Броделем. Ф. Бродель представлял капитализм как многоуровневую систему, высшим уровнем которой является то, что Бродель называл «противорынком»: «Наконец, рядом с этим слоем (авт. – рынок) или, вернее, над ним зона «противорынка» представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу – как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее». [2, с. 220]. Функционирование «противорынка» или капитализма предполагает «регулярно возобновляемое строительство монопольных ограничений на путях предпринимательской рыночной конкуренции». [6, с. 10]. Бродель отмечает, что установление и защита ограничений на конкуренцию осуществима только в том случае, когда финансовый капитал монопольных организаций соединяется с государством. Такой симбиоз государства и капитала является самой основой и историческим началом капиталистической системы. Хотя Ф. Бродель в своих работах не использовал понятие «гегемония», его идея о капитализме как системы властвования монопольных организаций и государства над предпринимательской рыночной стихией получила дальнейшее развитие у И. Валлерстайна в качестве теоретического ядра его концепции гегемонии.

Следуя логике своего учителя, И. Валлерстайн подчёркивает, что современное государство не только подчиняется капиталу, но и создаётся последним: «Развитие капиталистического мира-экономики включало в себя создание всех основных институтов современного мира: классов, этнических/ национальных групп, домохозяйств – и “государств”. Все эти структуры рождены капитализмом, а не предшествуют ему; все они – следствие, а не причина». «Государство, – продолжает Валлерстайн, – наиболее подходящий институциональный посредник при установлении рыночных ограничений (квазимонополий в широком смысле этого слова) в пользу определённых групп» [3, с. 404].

Валлерстайн обращает внимание, что гегемония как форма политической организации не существовала в рамках миров-империй, процветавших в докапиталистическую эпоху. Имперская мир-система характеризовалась совершенно иной политической организацией, основанной на господстве – едином централизованном государстве с мощной военной бюрократией [13, р. 15]. Развитие капитализма как самостоятельной мир-системы невозможно было в рамках гомогенного имперского государства. Поэтому капитализм создал принципиально новую политическую организацию, основанную на взаимодействии множества суверенных государств: «Капитализм смог расцвести именно потому, что мир-экономика включала в себя не одну, а множество политических систем» [13, р. 348].

Следовательно, капитализм требует взаимоотношений между государственной властью и капиталом в рамках межгосударственных отношений, которые являются необходимым условием для гегемонии последнего. В противном случае, если власть преобладающая станет «слишком сильной, как это было в мир-империях, их интересы перевесят интересы производителей, и бесконечное накопление капитала уже не будет основным приоритетом» [4, с. 87]. Исходя из валлерстайновской концепции гегемонии Джованни Арриги пишет о целесообразности выделения двух способов правления или «логик власти» – территориалистской, опирающейся на протяжённость территории и население, и капиталистической, которая стремится к контролю над редкими ресурсами и мобильным (авт. – финансовым) капиталом [1, с. 75-76].

Вместе с тем, разрабатывая собственную теорию гегемонии Дж. Арриги усматривает существенные недостатки в подходе И. Валлерстайна, который редуцирует гегемонию к экономическому превосходству государства-гегемона: «Материальная основа такой державы лежит в способности экономических субъектов, расположенных в этой державе, действовать более эффективно на всех трёх главных экономических аренах – в агроиндустриальном производстве, торговле и финансах» [14, р. 39]. В соответствии с позицией Арриги, гегемония представляет собой нечто большее, чем экономическое или же политическое

превосходство: «...это дополнительное могущество, которое выпадает преобладающей группе благодаря ее способности вести общество в направлении, которое служит интересам не только преобладающей группы, но также воспринимается ведомыми группами как служащее более общим интересам» [9, р. 26].

Поэтому для Арриги гегемония в том смысле, который вкладывает в это понятие Валлерстайн, является разновидностью силового господства. В то время как Арриги понимает под гегемонией способность господствующего класса выразить общий интерес: «В то время как господство основано преимущественно на принуждении, лидерство, которое определяет гегемонию, основывается на способности преобладающей группы позиционировать себя и быть воспринимаемой в качестве выразителя общего интереса» [9, р. 26].

Точка зрения Дж. Арриги перекликается с концепцией «гегемонистской стабильности», которая была сформулирована Р. Кохэном и Дж. Наем. Авторы «гегемонистской стабильности» обращают внимание на то, что наряду с могуществом, другой составляющей гегемонии является определённая воля государства. Исходя из этого, они называют гегемонистской такую систему, в которой «одно государство достаточно могущественно для того, чтобы защищать основные правила, регулирующие межгосударственные отношения, и обладает волей поступать таким образом» [11, р. 44].

В целом концепция гегемонии Дж. Арриги восходит к идеям известного итальянского левого мыслителя Антонио Грамши. В «Тюремных тетрадах» Грамши приводит многочисленные примеры, в которых подчёркивает отличие гегемонии от классового господства: «... якобинцы не только организовали буржуазное правительство, то есть сделали буржуазию господствующим классом – они сделали больше. Они создали буржуазное государство, превратили буржуазию в ведущий, господствующий класс нации, иными словами, дали новому государству постоянную основу и создали компактную современную французскую нацию» [12, р. 79].

О том, что гегемония – это не классовое превосходство, но некое культурное пространство, в котором происходит процесс формирования универсального миропонимания, Грамши пишет следующее: «На различных уровнях культура унифицируется в ряде страт до такой степени, что во взаимодействие вступает большее или меньшее количество индивидуумов, которые в разной степени понимают способ выражения друг друга, и т.д. ...Историческое действие может быть осуществлено только “коллективным человеком”, и это предполагает достижение “культурно-социального” объединения, через которое множество отдельных желаний с разнородными целями соединяются с единственной целью на основе равного и общего восприятия мира» [12, р. 349].

Исходя из этого видно, что А. Грамши проводил жёсткое разграничение между понятием господства как политического руководства, которое с течением времени подчиняет вспомогательные социальные интересы нуждам господствующего класса, и гегемонии, понимаемого в значении интеллектуального и морального руководства. Такое культурное руководство предполагает артикуляцию различных интересов, позволяющей каждой группе сохранить свою собственную индивидуальность. Следовательно, можно утверждать, что согласно взглядам Антонио Грамши гегемония представляет собой некий диалогический процесс, в котором в итоге взаимодействия различных социальных групп образуются универсальные ценности, связывающие разрозненные силы в единое гражданское общество.

Интерпретируя концепцию А. Грамши в духе мир-системного анализа, Дж. Арриги расширяет её значение в контексте межгосударственных отношений: «Поскольку слово “гегемония” в своём этимологическом значении “руководства” и в своём благоприобретённом значении “господства” обычно относится к отношениям между государствами, вполне возможно, что Грамши использовал этот термин в метафорическом смысле для разъяснения отношений между социальными группами по аналогии с отношениями между государствами. Перенеся грамшианское понятие социальной гегемонии из области

внутригосударственных отношений в область межгосударственных отношений... мы можем просто пройти в обратном направлении по пути, который был проделан Грамши» [1, с. 70].

Применяя идеи Грамши применительно к системе межгосударственных отношений, Арриги пишет, что «только руководство/ лидерство... определяет ситуацию в качестве гегемонистской» [1, с. 71] или ситуации дополнительной власти, «которая накапливается господствующей группой благодаря своей способности представлять все проблемы, вокруг которых возникают разногласия, “общезначимыми”» [1, с. 69-70].

Рассматривая историю капитализма как процесс развития и смены гегемонии, Дж. Арриги отмечает, что первым гегемоном, хотя и непродолжительное время, была Голландия. С заключением Вестфальского мира в 1648 г. возникла новая мировая система правления, в соответствии с которой идея верховной власти или организации суверенных государств сверху перестала работать. Вместо неё устанавливалось представление о том, что все государства образуют международную политическую систему, базирующуюся на принципах международного права и баланса сил – праве и силе, действующими между государствами, а не над ними. Вторым этапом в развитии капиталистической гегемонии и идеологии был связан с распространением британского империализма. Если Вестфальская система основывалась на принципе, согласно которому межгосударственная система не подчинялась никакой верховной власти, то британский империализм ввёл принцип, согласно которому внутригосударственные и межгосударственные отношения подчинялись верховной власти новой, метафизической сущности – мировому рынку, наделённому сверхъестественной силой, которая превосходила силу римского папы и императора в средневековой системе правления. [1, с. 99].

В случае перехода к фазе гегемонии США Дж. Арриги снова обращает внимание на ключевую роль идеологии, в основе которой лежало стремление к созданию универсальных и глобальных социальных ценностей: «Наиболее важной особенностью программ Вильсона и Ленина было то, что они не

ограничивались Европой, а включали весь мир, то есть они обращались ко всем народам мира, отрицая более раннюю европейскую систему, которая ограничивалась Европой или предполагала распространение этой системы на весь мир. Призывы Ленина к мировой революции привели к появлению, как продуманного ответа, “Четырнадцати пунктов” Вудро Вильсона: солидарности пролетариата и восстанию против империализма противопоставлялось самоопределение и столетие простого человека» [1, с. 111].

Периоды между гегемониями Дж. Арриги называет «господством без гегемонии» – этапами, когда старое гегемонистское государство уже исчерпало свой культурно-идеологический потенциал, а претенденты на гегемонию ещё не выработали новых универсальных ценностей. На этих промежуточных этапах происходит переход от диалогического универсализма к империалистическому партикуляризму, служащему обоснованием притязаний на присоединение стратегических территорий и мировую гегемонию. Именно в это время в идеологии государств начинает преобладать манихейская тематика вечной борьбы Добра со Злом, которая характерна для концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона и в целом для неоконсервативного дискурса западных стран в XXI в. Однако культурный империализм США приобретает особую проблематику в условиях современного кризиса капиталистической мир-экономики.

И. Валлерстайн отмечает, что кризис в котором оказался современный капитализм является не только структурным по своему характеру, но и системным. Это означает, что мир-экономика подошла к рубежу своего исторического существования. И. Валлерстайн упоминает четыре тренда, свидетельствующие об окончании капитализма как мир-системы. Во-первых, это истощение мирового фонда доступного дешёвого труда (дерурулизация). Во-вторых, это упразднение среднего класса, который на протяжении всей истории капитализма был её «самой прочной опорой». В-третьих, экологический кризис, который представляет острую экономическую проблему для мир-системы. В качестве четвёртой проблемы, И. Валлерстайн отмечает, что усиливающийся

социально-экономический разрыв между Севером и Югом создаёт невероятно сильное давление на миграционное движение с Юга на Север, которое грозит острыми социальными конфликтами [5, с. 137-139].

Всё это даёт основания говорить, что в ближайшее время перехода к новой гегемонии, равно как и к парадигме диалогического универсализма не произойдёт. Будущее капитализма – это его постепенная гибель и трансформация в новую историческую мир-систему. С одной стороны, это время будет характеризоваться наращиванием межгосударственной борьбы, усилением идеологии культурного империализма и ещё большим отходом от просвещенческих ценностей свободы и равенства. С другой стороны, этой тенденции должна быть противопоставлена борьба за создание более справедливой, эгалитарной мир-системы, основанной на ценностях социальной демократии и диалога культур.

Литература:

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени/ Пер. с англ. А Смирнова и Н. Эдельмана. – М: Издательский дом «Территория будущего». – 472 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3-х т. Т. 2: Игры обмена. – Москва: «Прогресс», 1988. – 632 с.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. Полит. Наук Б.Ю. Кагарлицкий – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение/ пер. Н. Тюкиной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.
5. Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ./ Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
6. Дерлугьян Г., Харрис К. Эволюция командных высот капитализма// Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени/ Пер.

с англ. А Смирнова и Н. Эдельмана. – М: Издательский дом «Территория будущего». – 472 с.

7. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: циклы русской истории/ Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.

8. Хатами, Мохаммад. Ислам. Диалог и гражданское общество. – М.: РОССПЭН, 2001. – 240 с.

9. Arrighi G. and Silver B. Chaos and Governance in the Modern World System. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. – 337 p.

10. Huntington, Samuel P. The clash of civilizations and the remaking of world order/ Samuel P. Huntington. – New York: Simon and Schuster, 1996. – 368 p.

11. Keohane R. O. and Nye J. S. Power and Inter-dependence. Second ed. – New York: Longman, 1989. – 315 p.

12. Selections From the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. Edited and translated by Quentin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. – London: Lawrence and Wishart, 1986. – 846 p.

13. Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. – N.Y.: Academic Press, 1974. – 411 p.

14. Wallerstein I. The politics of the world-economy. The states, the movements, and the civilizations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 191 p.